

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

FUNCTIONAL RESOURCE OF NETWORK COMMUNICATIONS AND PUBLIC-GOVERNMENT INTERACTION

Елена Васильевна ПЕРЕПЕЛИЦА

Белорусский государственный университет, факультет журналистики, Минск, Республика Беларусь, elenaperepelitsa@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8017-6556

Информация об авторе

Е.В. Перепелица — доцент кафедры медиалогии факультета журналистики Белорусского государственного университета, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Взаимодействие в прокси-режиме дает массу неочевидных преимуществ и практических улучшений. Общество информационно-цифровых коммуникаций переживает решительные перемены. Однако прогресс взаимоотношений между людьми не достигается технологическими способами, как полагали и декларировали техноутописты. Изобилие онлайн-платформ не обращает оппонентов в единомышленников и автоматически не снимает разногласия. Под действием прорывных технологий возможны преобразования и падения. Коммуникационные средства не вдохнули новые жизненные силы в демократию, их ресурс позволяет имитировать бурную гражданскую активность и принимать нужные, заведомо согласованные решения, минуя какую-либо общественную верификацию. Опыт различных государств, в том числе технологически преуспевающих, показывает, что делиберативное участие граждан в публичном дискурсе — желаемое состояние и одновременно задача огромной степени сложности, окончательных способов решения которой пока нет.

Сетевые коммуникации используются, как правило, монофункционально, а именно для передачи информации от государства — обществу, отчасти поэтому

- высокая технологическая оснащенность управленческих структур принципиально не меняет степени участия граждан в разработке юридически значимых решений.
- Посчитав смысл коммуникации окончательно раскрытым и равным передаче-получению информации, мы не даем себе труда расширить рамки анализа онлайн-взаимодействия. Тем не менее интеракции с участием людей настраиваются по более тонкому и чувствительному камертону, нежели (пере)направление контента между высокотехнологическими устройствами. В этой связи предлагается посмотреть немного иначе на правовую сущность сетевых коммуникаций — не так, как это принято в информационном праве. Функциональный ресурс сетевых коммуникаций может служить обеспечению доступности процесса разработки и принятия юридически значимых решений, демократизации юридических процедур, созданию действенных механизмов обратной связи и контроля. Утверждается, что глубокое знание природы социального взаимодействия позволит употреблять функционал технологических инноваций в созидательном ключе и выстраивать релевантную модель правового регулирования удаленных общественно-государственных интеракций.

- **Ключевые слова:** техноутопия, коммуникативное взаимодействие, онлайн-платформы, публичное управление, делиберативная демократия, гражданская активность, электронное правительство, автоматизированные алгоритмы, доступ к информации, электронное участие, теория информации

- **Для цитирования:** Перепелица Е.В. Функциональный ресурс сетевых коммуникаций и общественно-государственное взаимодействие // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 20–29; DOI: 10.17323/fis.2024.22295

Elena V. PEREPELTSIA

Belarusian State University, Faculty of Journalism, Minsk,
Republic of Belarus,

elenaperepelitsa@rambler.ru,

ORCID: 0000-0001-8017-6556

Information about the author

E.V. Perepelitsa — Associate Professor of the Department of Medialogy, Faculty of Journalism, Belarusian State University, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. This article deals with the unclaimed potential of network communications. The next stage of technological evolution, the onset of which was associated with optimistic expectations, is associated with the deepest disappointments. It turned out that the widespread distribution of software platforms not only does not save people from discord and mutual misunderstanding, but sometimes brings even greater division, fencing off groups, communities and entire social institutions from each other. Unfortunately, the friendly march of revolutionary technologies did not lead to the flourishing and rebirth of democracy. Degradation, regression of traditional forms of managing the affairs of the state and society and the indifference of public authorities to the lives of ordinary people are not unique properties of any particular legal order, but are observed in jurisdictions with different levels of technological equipment.

The experience of successful development of the potential of network communications by the Republic of Belarus is presented, as well as examples of those locations in which new dividends are expected from modern technological developments. An attempt is made to answer the question under what circumstances the functional resource of network technologies can be more thoroughly involved in the interactions of the state and society, the coordination of conflicting interests of communicating actors.

The work is based on general scientific and local legal methods, as well as axiological, institutional, resource and other interdisciplinary approaches and attitudes. Attention is drawn to the fact that the stereotypical representation of communication as a process of mechanical transmission and receipt of information reduces social interaction and reduces it to an elementary scheme of data transmission. The point of view is defended that changing the approach to communication will help to better cope with the task of organizing a public-state tandem and strengthen the level of trust in the authorities. It is emphasized that a critical condition for the representative participation of citizens in management processes is the presence of a set of feedback

- mechanisms and inclusive institutions that allow ordinary
- people to be present in public discourse.
-
- **Keywords:** techno-utopia, communicative interaction, online platforms, public administration, deliberative democracy, civic engagement, electronic government, automated algorithms, access to information, electronic participation, information theory
-
- **For citation:** *Perepelitsa E.V.* Functional resource of Network Communications and Public-government interaction // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 20–29; DOI: 10.17323/tis.2024.22295

Начало информационной эпохи ознаменовалось смелыми предчувствиями и громкими пророчествами. Апологеты линейного подхода к прогрессу рассчитывали, что технические новшества приблизят тот момент, когда люди начнут лучше понимать друг друга. Выдвигались гипотезы об электронном пространстве как ареале распространения демократических ценностей. Многие обольстились ожиданием технократического рая и наукообразными теориями о полетах в безбарьерном мире «на крыльях свободы» [1, с. 222]. Ожидалось, что высокотехнологические средства нормализуют и гармонизируют отношения государства и общества, помогут справиться с социальными кризисами, преодолевать конфликты и разобщения там, где это необходимо.

Как мы знаем теперь, прорывные технологии позволяют переустраивать производство и быт, оптимизировать рабочие процессы. Благодаря тотальным коммуникациям создается электронный рынок, расцветает экономика, реализуются коммерчески успешные проекты. Едва ли нужно кого-то убеждать в выгодах происходящих перемен, но, увы, время рассудило иначе: большинство надежд не сбылось. Действительность далека от нарисованного идеала. Практическую проверку прошла малая толика романтизированных представлений, которые были встречены с энтузиазмом и приняты «на веру». Отчасти идеи «просвещенных технократов» оказались преждевременными и наивными, отчасти — ошибочными и фантазийными. Среди прочего иллюзорностью отличаются пресловутые планы по вступлению демократии в очередную, высокотехнологическую фазу развития. Налицо образцы отрицательной корреляции между количеством оцифрованных платформ и качественным состоянием демократии [2, с. 100–121].

Вывод напрашивается сам собой: компьютерные сети не смогли чудесным образом переустроить иерархию общества, защитить от взаимного дистанцирования группы, коллективы, социальные институты. В противном случае наступили бы всеобщее согласие и гармония, каких не знала аналоговая эпоха. Как ни досадно, в наше время все более мощных технологий и «обвальных потоков информации» [3, с. 77] число тех, кто замкнут в своем собственном мире и кому не

чего сказать другим, не уменьшается, а растет. «Пространство коммуникаций в постмодернистскую “киберэпоху” превращается в пространство симуляций» [4, с. 199].

В проводимых исследованиях получены данные о сокращении непосредственных контактов между людьми при росте числа роботов [5, с. 27]. Есть немало примеров того, что авангардные технологии не столько служат способом устранения преград между людьми, сколько способствуют «созданию, если не приумножению, конфликтов различных смысловых картин мира» [6, с. 15]. Умение договариваться и идти на взаимовыгодные уступки — непозволительная роскошь для техносоциального, интересубъективного общества.

Среди акторов, которых не оградили от взаимной изоляции узлы и линии связи, «агрегированные субъекты — общность, народ, страна, общество, государство и т.п.» [7, с. 21]. Избыток сетевых коммуникаций сам по себе мало препятствует бюрократизации государственного аппарата, «возникновению единой элиты, необычайно далекой от нужд простых людей» [8, с. 8]. Властные структуры, оснащенные современными коммуникативными средствами, заинтересованы прежде всего в алгоритмизации выполняемых ими рутинных функций. Не приходится говорить о служении обществу в ситуации вычислительной поддержки задач, осуществляемых органами управления, когда участие граждан в разработке общеобязательных правил поведения остается символическим. В ряде случаев привлекательный цифровой фасад несколько не мешает управленческим структурам сохранять замкнутость на самих себе, когда «простые люди выступают в качестве пассивных респондентов при проведении опросов общественного мнения [8, с. 22]». Продвинутое технологии незначительно меняют монологический режим разработки законодательских решений и как будто поддерживают данный паттерн. В свою очередь, социум, которому отведена маргинальная и бездеятельная роль «общества потребления» [9, с. 175], делается неспособным критически оценивать информацию, перерабатывать ее и принимать взвешенные самостоятельные решения. «Стремительное умножение количества коммуника-

ционных актов происходит за счет выхолащивания их содержания и смыслов, сетевая коммуникация все более сводится к самопрезентации и эмоциональным всплескам, которые выступают инструментами демонстрации своей позиции по какому-либо вопросу, независимо от того, является ли он вопросом политических решений или права трансгендеров» [10, с. 57].

В разных юрисдикциях блага киберсвободы так или иначе «оплачиваются» утечкой персональных данных, всепоглощающим мониторингом действий людей, а подчас и их взглядов (в случае профайлинга). При этом ужесточение контроля над приватным пространством часто вызвано «не какой-то особой злонамеренностью государства, а все более обостряющимся информационным противостоянием на международной арене» [11, с. 117]. В то же время нейтральные технологические системы прекрасно приспособляются к выполнению неблагородных целей — таких, например, как «взламывание человека на самом глубинном, ценностном уровне» [12, с. 429].

Получается, сетевые коммуникации и рутинные практики онлайн-взаимодействия не столько освобождают нас от старых проблем, сколько создают питательную среду для новых — и работают вхолостую. Значит ли это, что мы приближаемся к технократическому аду? Что нынешние формы социальной интеракции не годятся ни на что, кроме транслирования данных? Что такие формы угнетающе действуют на диалог между государством и обществом и что они дискредитированы?

Положительный опыт применения функционального ресурса сетевых коммуникаций, когда они все же служат объединяющим началом, убеждает в совершенно обратном. И вместо того, чтобы «погружаться в расколы и вражду, искусно разжигаемую Левиафаном» [12, с. 393], надо действовать конструктивно и стремиться искать прорывные решения. Конечно, такое стремление всегда будет омрачено присутствием в коммуникационных актах элементов противоречивости и непредсказуемости. В довершение заметим, что «в технонауке успех опаснее неудачи, ибо может включать непредвидимые нежелательные последствия, в том числе — отложенные во времени» [13, с. 63].

Готовность к открытому диалогу и заинтересованному обмену мнениями — труднодостижимое состояние, в том числе для тех, кто «живет в мире преимущественно цифровых по форме информации и знаний» [14, с. 24]. Возможно, причина недостаточной востребованности положительного ресурса новых технологий кроется в неумелом использовании этого достояния цивилизации, и нынешнее поколение все еще не освоило, казалось бы, простое искус-

ство коммуникации и нахождения общего языка. Думается, что *из сетевого взаимодействия будет извлечена большая польза, если будут освежены подходы к нему, подвергнуты ревизии наличные регуляторные решения и предприняты попытки иной организации онлайн-коммуникаций*. Цепочка обозначенных вопросов требует развернутого обсуждения. Здесь уместно такое суждение: «Остановить развитие технологий не получится — или получится лишь на ограниченное время. Другое дело — направить его совсем по-другому руслу. На это потребуются приложить усилия не только отдельным людям, но и сообществам, народам и всему человечеству» [12, с. 436].

Последствия массовой сетевизации следует измерять очень индивидуально. Культурные, ментальные и исторические факторы вносят качественное своеобразие в то, как именно разные юрисдикции распоряжаются потенциалом схожих ресурсов и технических средств связи. Воспользуемся примерами, чтобы быть конкретными.

Каждый национальный правопорядок реализует свою повестку в рамках общепризнанных стандартов электронного правительства. Если говорить о Республике Беларусь, то начиная с 1990-х годов в ней прослеживается активная интеграция информационно-коммуникационных технологий в различные отрасли экономики. Отмечается положительная динамика использования цифровых решений в государственном управлении. В последнее десятилетие в самых разных областях жизнедеятельности происходит переход к электронному обмену информацией и электронному документообороту. В порядке реализации ст. 34 Конституции Республики Беларусь формируются превентивные условия доступа граждан к полной, достоверной и своевременной информации. Ключевую роль в обеспечении такого доступа для всех заинтересованных лиц играют государственные информационно-правовые ресурсы. Единый портал электронных услуг «Е-Паслуга» (e-pasluga) предлагает «простой и эффективный способ получения государственных услуг и административных процедур в электронном виде» [15]. На доступ к государственному контенту работает Национальный центр электронных услуг [16]. Автоматизированные алгоритмы обработки данных органично вписываются в имидж государственных органов (организаций). В республике используется система электронных обращений, дающая положительный кумулятивный эффект. Она обеспечивает оперативное реагирование публичных органов власти на повседневные нужды граждан. Сегодня ставка сделана на искусственный интеллект, крупные дивиденды ожидаются от интеграции «умных» технологий в нормотворчество.

Успехи Республики Беларусь на поприще информатизации иллюстрируются международными рейтингами. В Докладе ООН о человеческом развитии 2023-2024 гг. сообщается, что республика находится на 69-м месте среди 193 стран и отнесена к группе юрисдикций с очень высоким уровнем человеческого развития [17]. Эмпирические данные подтверждают позитивную роль цифровых сервисов при предоставлении электронных услуг в областях недвижимости, страхования, образования, торговли, медицины, транспорта и других. Согласно исследованиям ООН «Электронное правительство 2022», Республика Беларусь входит в число стран с очень высокими уровнями ТП (телекоммуникационная инфраструктура) и НСИ (человеческий потенциал) [18]. В рейтинге ЦУР (цели устойчивого развития) она занимает 24-ю позицию (из 165 государств) [19]. В то же время рейтинговое положение на мировом уровне прямо указывает на внутреннюю рассогласованность достигнутых показателей электронного участия (ЕРІ). Общий показатель электронного участия составляет 0,5318 [18]. Напомню, что это трехэлементный индекс, который объединяет в себе электронное информирование, электронное консультирование, электронное принятие решений. Если первые две номинации отражают степень осведомленности широкой публики о юридически значимой информации, то третья — электронное участие — ориентирована на выстраивание диалектической связи публичной власти и общественности.

По данным 2022 г., электронное информирование и электронное консультирование составили для Республики Беларусь 0,6364 и 0,1429 [18]. В части электронного принятия решений показатель довольно умеренный — 0,05, что соответствует показателям Анголы, Багамских островов, Бахрейна, Эфиопии, Фиджи, Гватемалы, Гайаны, Гондураса, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мавритании и ряду других стран.

Высокий и очень высокий уровень «электронного принятия решений» служат своеобразной лакмусовой бумажкой приобщения граждан к процессам разработки и принятия значимых управленческих решений. Критическим условием репрезентативного уровня электронного участия является наличие комплекса механизмов обратной общественно-государственной связи, инклюзивных институтов, позволяющих рядовым гражданам присутствовать в публичном дискурсе. В Республике Беларусь применяется публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов с участием общественности, что лишний раз показывает заинтересованность государства в диалоге с ней. Пример конструктивного разрешения

сложных вопросов при совместном участии общественных и государственных акторов подает Всебелорусское народное собрание [20]. Тем не менее наличные способы общественно-государственной связи не обязательно демонстрируют искомые качества, и для сокращения дистанции, существующей между публичной властью и гражданами, нужны дополнительные правовые механизмы.

Таким образом, налицо разрыв между возможностями сетевых коммуникаций и применением их функционала на практике. Очень немногим юрисдикциям удалось добиться сорешающего участия граждан в публичном дискурсе. Гарантированный доступ к надежной и проверенной информации, а также односторонний процесс ее передачи-получения — состояние, позволяющее расти. Сетевые линии, каналы связи, мессенджеры способны «обогащать» легитимные способы вовлечения граждан в повестку, когда «доступнее становится механизм принятия политико-правовых решений» [21, с. 128]. Благодаря новым технологическим способам социального взаимодействия происходит «перерастание права на информацию в свободу коммуникации» [22, с. 152]; правда, в юридической доктрине и практике большинства стран эти опции не различаются [23].

Возвращаясь к Республике Беларусь, подчеркну, что достигнутый ею уровень электронного принятия решений объясним эксклюзивным характером привлечения общественности к публичному дискурсу. Сказанное подтверждается результатами отраслевых исследований [24, с. 149]. Также в Беларуси не востребованы местные референдумы, хотя такая форма привлечения граждан к управлению делами общества и государства нормативно предоставлена [25]. Дефицит общественно-государственных интеракций также вызван причинами иного свойства. Безусловно, предпринимаются шаги, меняющие сформированное состояние в лучшую сторону. И все же перемены происходят не так быстро, и в сухом остатке присутствует невостребованный потенциал сетевых коммуникаций.

В данной связи важно разобраться, во-первых, в том, какой юридический смысл придается информационному взаимодействию; во-вторых, на каком теоретическом фундаменте зиждется правовая квалификация сетевых коммуникаций; в-третьих, как изменение способа видения коммуникации отзовется на сетевом общественно-государственном взаимодействии.

В правоведении, причем не только в белорусском, установилось согласие относительно того, что представляет собой (сетевая) коммуникация. Это конструкция, состоящая из четырех постоянных элементов: источника информации, передающего устройства,

оператора, приемника информации. Примерно так структура коммуникативного процесса репрезентирована в теории информации.

Причина безоговорочного принятия такого взгляда на коммуникацию объясняется ключевой ролью кибернетики в описании социального взаимодействия, «очаровывающим триумфом» [26, с. 144] соответствующего исследовательского направления и длительным пребыванием теории информации на переднем крае науки. Говоря об истории цифровой революции, Ч. Хунжуй обратил внимание на то, что «в последние 150 лет развитие глобальных информационных и телекоммуникационных технологий опиралось на теорию информации, кибернетику и теорию систем» [27, с. 13]. Помимо прочего здесь срабатывает так называемый эффект колеи, и кибернетические установки переносятся на социально-коммуникативные акты — иными словами: процессы с участием живых существ. В теперешнем технологическом мире такая экстраполяция воспринимается как нечто вполне естественное. Возникает соблазн мерить всякий вариант информационного взаимодействия в категориях доминирующей теории. Разумеется, это удобно, тем не менее при подобном подходе весьма проблематично укреплять общественно-государственное доверие и врачевать демократию.

Найдется не так много юристов, готовых признать то обстоятельство, что теория, безупречно описывающая механику передачи электронных сообщений и обмена ими, почти ничего новаторского не добавляет к постижению коммуникации с участием людей. Программные установки, относящиеся к техническим приемам обмена и распространения информации, оказали определяющее влияние на трактовки социального взаимодействия. Тем не менее технологически сложная процедура переноса информации от ее обладателей к пользователям (реципиентам) не имеет серьезной коммуникативной ценности.

В организации передачи информации гражданам, как и в организации коммуникации, государство придерживается одних и тех же принципов, однако картина взаимодействия с обществом, построенная по общим лекалам с однолинейными транзакциями, оказывается несколько усеченной. Стандартизируя образ коммуникации, можно не заметить, что «взаимодействие человека с человеком» [28, с. 79] и взаимодействие элементов сети — явления разного калибра. Живые участники взаимодействия, будь то индивидуумы, группы, сообщества, не равны «думающим» компьютерам, роботам-протезам и прочим искусственно созданным объектам. Когда между этими неэквивалентными акторами не делается никакой дифференциации, предаются забвению мотивы вступления людей

в коммуникацию. А это стремления, интересы, желания и потребности: в одних ситуациях — в поддержании тесной связи, решении конкретной задачи, в других — «в выживании, сотрудничестве с другими людьми» [7, с. 17], Такие мотивы содержат мощный творческий импульс. Руководством к коммуникативному действию часто служит заинтересованность в контакте, общении, правовой защите, безопасности, самоактуализации и т.д. Непреложное свойство коммуникации — «зависимость транслируемого и воспринимаемого контента от намерений» [6, с. 11]. За палитрой интересов, намерений и потребностей стоят вполне конкретные индивидуумы и сообщества, а не обезличенные сущности. *Человеческий момент все больше стирается в сетевом взаимодействии.* Хотим мы того или нет, многое уже случилось: «Людей уже сейчас в экспериментах и исследованиях, проводимых частными соцсетями и онлайн-платформами, приравнивают, по сути, к биороботам, к киборгам» [12, с. 150].

Социальные интеракции подчинены принципу «систематических действий субъектов, направленных друг на друга и имеющих целью вызвать ответное ожидаемое поведение, которое предполагает возобновление действия» [7, с. 28], даже если такого рода трактовки отвергаются за ненужностью. Получается, что нетленные теории не решают все. Указанные обстоятельства — свидетельство того, что *авторитет известных концептов может довести над познавательным процессом, создавая труднопреодолимые препятствия поиску и обнаружению его новых и неизведанных путей.* Примеры такого давления встречаются в разных областях науки, когда устоявшаяся сумма знаний, связанная с хорошо известными именами, преподносится в качестве «хранящей в себе свет вечной истины» [29, с. 171]. Новые правовые механизмы, сконструированные в отрыве от намерений, которыми руководствуются взаимодействующие субъекты, не сблизят носителей близких, а тем паче асимметричных, противоречивых и враждующих интересов. Причастность общественности к публичному дискурсу достигается посредством «развития коллегиальности, открытости и гласности в принятии правовых решений, демократизации юридических процедур, создания действенных и эффективных форм общественного контроля правоприменительной деятельности» [30, с. 64].

Сегодня внимание авторов профессиональной юридической литературы приковано к доменным именам, процедурным вопросам администрирования цифрового пространства интернета, распространению правовой информации. Редким исключением является вдумчивый разговор о характерных особенностях «субъектов информационного взаимодействия»

[31, с. 167], их интересах [32]. Фактически не поднимаются вопросы о тех стимулах, которые «управляют» людьми и общностями как коммуницирующими субъектами. Потребности таковых остаются при этом обезличенными и в лучшем случае недостаточно от-рефлексируемыми.

Кто-то может категорически возразить, заявив, что коммуникативное поведение не входит в предметное поле (информационного) права и составляет исследовательский интерес неюридических дисциплин, например прикладной коммуникативистики [33, с. 3]. Побудительные мотивы, руководящие коммуникативными действиями человека, интересуют право гораздо меньше, чем технологические преимущества следующего поколения технологий. Право предпочитает иметь дело с прагматичными вещами и исчисляемыми понятиями. Тем не менее регуляторные решения, качество которых напрямую зависит от зрелых юридических подходов, не должны быть отвлеченными до такой степени, чтобы им были совершенно безразличны интересы и потребности людей. Правовое регулирование сетевого общественно-государственного взаимодействия будет более эффективным, если наше понимание коммуникации обретет новые смысловые точки опоры и будет предполагать не только передачу и распространения контента, но и «демонстрацию смыслов» [7, с. 56]. Корректному пониманию сетевой коммуникации может помочь привлечение положений и идей, разработанных Н.Н. Довнар, которая в одном из своих трудов назвала коммуникационное право одним из субинститутов (суботраслей) информационного права [34, с. 57].

Для изменения существующего положения дел нужно учесть, что организуемое по сетевым принципам социальное взаимодействие сначала зависит от включенности в него реальных акторов, их заинтересованного участия в диалоге, а уже затем — от технологических механизмов, всегда носящих обслуживающий и сопутствующий характер. В числе неотъемлемых условий интеракций — «способность к рациональной коммуникации, обмену мнениями» [35, с. 14]. Без учета когнитивных факторов бесперебойно работающие высокотехнологические устройства оказываются малосущественными или вовсе бесполезными. Подчеркну: мы не ищем глубинные изъяны в идеях, предложенных К. Шенноном, Н. Винером и всеми теми, кто сделал судьбоносные для будущей юридической науки открытия. Как таковая теория информации далеко не истоцилась в своих импульсах [36, с. 23–36]. Тем не менее применительно к цифровым контактам между людьми стоит немного уменьшить ее пафос и найти подход к социальной коммуникации в категориальной сетке, более релевантной языку (информацион-

ного) права, чем это имеет место в текущий момент. Как свидетельствуют многие научные исследования, «[в зависимости] от изменения направлений взглядов, точек зрения существенно меняется и объект анализа» [7, с. 52].

Кибернетический подход к коммуникации нашел объективизацию в отрасли связи, но и та признает непоглощаемость взаимодействия с участием людей чисто техническими аспектами, объясняя данное обстоятельство «обязательным присутствием в социальной коммуникации двух индивидов, каждый из которых — активный субъект» [37, с. 10]. Законы теории информации определяют коммуникацию в общих чертах, не отражая во всей полноте закономерности и специфику взаимодействия человека с человеком.

Есть удивительный парадокс в параллельном существовании вещей, которые порой практически не пересекаются. Это исторически беспрецедентные коммуникативные средства, которыми технологическая эволюция с таким избытком снабдила нынешнее поколение, с одной стороны, и «масса граждан, играющих пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, которая откликается лишь на посылаемые им сигналы» [8, с. 19], с другой. Еще один парадокс — одновременное наличие гарантированного доступа к информации, в том числе юридически значимой, и отстраненность рядовых граждан от участия в управленческих процессах и минимально допустимой верификации управленческих решений. Складывается закономерность: с развитием и усовершенствованием технологических возможностей обычные люди не становятся соучастниками повестки. Изменение привычного угла зрения, с которым информационное право подходит к сетевой коммуникации, трактовка последней как процесса, устроенного более сложно, нежели передача-получение информации, помогут разрешению этих парадоксов. В случае изменения способа видения сетевой коммуникации останется надежда, что этот продукт технологической эволюции будет способствовать уравниванию не всегда совпадающих интересов государства и общества, укреплению толерантной основы их отношений и выстраиванию релевантной модели правового регулирования взаимодействия с их участием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скрипченко Д.В., Колесникова Е.И., Мейпин Я. Общественные коммуникации в эпоху цифровых диктатур // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник.* СПб.: Изд. СПб университета, 2020. С. 221–233.

2. Дейнеко А.Г. Трансформация основных публично-политических прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве // Публичное право в киберпространстве (публично-правовое регулирование информационных отношений). М.: Проспект, 2023. 248 с.
3. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 67–108.
4. Информационные технологии и социальная динамика: два показательных случая // Технологии, меняющие мир = World-changing technologies: применение и эффекты в мире и на Востоке: коллективная монография / А.В. Акимов и др.; ред. кол.: А.В. Акимов, С.А. Панарин, Н.Н. Цветкова. СПб: Нестор-История, 2021. 451 с.
5. Мальченова Ф.Г. Этико-психологические аспекты коммуникации человека и робота // Горизонты гуманист. знания. 2018. № 5. С. 21–28.
6. Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество»). СПб, 23–24 июня 2022 г.: сб. науч. ст. СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 9–23.
7. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
8. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: 2-е изд. М.: ИД ВШЭ, 2023. 192 с.
9. Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс // Коммуникативные основания научной рациональности / под ред. А.А. Аргаматовой, П.С. Куслия. М.; СПб: Центр гуманитар. инициатив, 2023. 270 с. С. 164–181.
10. Гаркуша В.Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура // Информационная — Коммуникация — Общество (ИКО-2023): Труды XX Всероссийской науч. конф. с междунар. участием / СПб, 2–3 февраля 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. С. 55–59.
11. Ивашковская Т.В., Павлов В.А. «Цифровой суверенитет» как информационная стратегия российского государства // Информационная — Коммуникация — Общество (ИКО-2023): Труды XX Всероссийской науч. конф. с междунар. участием / СПб, 2–3 февраля 2023 г. СПбГЭТУ, 2023. С. 116–120.
12. Шнуренко И. Человек взломанный. М.: Наше завтра, 2021. 456 с.
13. Фролова М.И. Проблемы этики технонауки в трудах Э. Агацци // Человек. 2016. № 5. С. 55–68.
14. Монахов В.Н. Право на свободу слова: из офлайн в онлайн // Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект / отв. ред. Э. В. Талапина. М.: Проспект, 2023. С. 17–50.
15. Единый портал электронных услуг. [Электронный документ]. — URL: <https://nces.by/o-nas/news/ereu/> (дата обращения: 12.04.2024).
16. Программный комплекс «Одно окно». [Электронный документ]. — URL: https://nces.by/service/services_oais/oo/ (дата обращения: 16.04.2024).
17. Доклад о человеческом развитии 2023–2024 гг. [Электронный документ]. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (дата обращения: 12.04.2024).
18. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2022. [Электронный документ]. — URL: <https://publicadministration.un.org/en/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (дата обращения: 11.04.2024).
19. Voluntary National Review 2022. [Электронный документ]. — URL: <https://hlpf.un.org/countries/belarus/voluntary-national-review-2022> (дата обращения: 12.04.2024).
20. О Всебелорусском народном собрании. [Электронный документ]: Закон Респ. Беларусь, 7 февр., 2023 г., № 248-З. Принят Палатой представителей 25 янв. 2023 г., одобрен Советом Республики 30 янв. 2023 г. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 09.02.2023, 2/2968.
21. Борисов И.Б. Конец цифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 124–139.
22. Кудрявцев М.А. Свобода информации и проблемы обеспечения информационных прав личности // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М.: ИГП РАН; Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. С. 146–170.
23. Каспирович-Шумак А.А. Государственные информационно-правовые ресурсы как объект информационных правоотношений: теоретический аспект // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2023. № 2 (157). С. 87–93.
24. Шахрай И.С. Государственно-частное взаимодействие в контексте расширения диспозитивных способов регулирования отношений природопользования // Проблемы реализации объективного права природопользования. Минск: БГУ, 2022. 291 с. С. 138–151.
25. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь. [Электронный документ]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв., 2010 г., № 108-З. Принят

- Палатой представителей 11 дек. 2009 г., одобрен Советом Респ. 17 дек., 2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2024.
26. Милославов А.С. «Цифровая революция» как пространство для историко-эпистемологического исследования: проблемы и перспективы // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2020. С. 139–153.*
  27. Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности: учеб. пособие / пер. с кит. Ван Хунвэй, Ван Личжун, Ван Юе. М.; СПб: Нестор-История, 2020. 304 с.
  28. Винер Н. Кибернетика и общество: сб. статей / пер. с англ. В. Жернинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
  29. Дзялошинский И.М. От божественного откровения к коммуникационному универсуму: поиск адекватной модели изучения текста // *Гуманит. вектор. 2020. № 1. Т. 15. С. 163–175.*
  30. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск: Университетское, 1989. 135 с.
  31. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex Russica. 2016. № 3(112). С. 164–182.*
  32. Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет // *Журнал российского права. 2018. № 9. С. 120–130.*
  33. Дзялошинский И.М. О новом подходе к проблемам коммуникации // *Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 4. С. 1–22.*
  34. Довнар Н.Н. Правовое обеспечение информационной безопасности СМИ в условиях трансформации медиасистемы. Минск: БГУ, 2019, 236 с.
  35. Вайзер Т. Другой Хабермас? // *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас; пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. 104 с. С. 13–20.*
  36. Батурин Ю.М. Метаморфозы информационного права // *Трансформация информационного права / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 256 с.*
  37. Техника коммуникации и основы командообразования: практикум для учащихся всех специальностей: в 2 ч. Ч. 1 / сост.: А.О. Григорьева, Л.Э. Ведерникова. Минск: Белорус. гос. академия связи, 2023. 112 с.
  - отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб.: Изд. СПб университета, 2020. С. 221–233.
  2. Deineko A.G. Transformatsiya osnovnikh publichno-politicheskikh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v kiberprostranstve // *Publichnoe pravo v kibeprostranstve (publichno-pravovoe regulirovanie informatsionnikh odnoshenii): monografiya. M.: Prospekt, 2023. 248 s.*
  3. Arshinov V.I., Budanov V.G. Kognitivnie osnovaniya sinergetiki // *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe mishlenie v nauke i iskusstven. M.: Progress-Traditsiya, 2002. S. 67–108.*
  4. Informatsionnie tekhnologii i sotsialnaya dinamika: dva pokazatelnykh sluchaya // *Tekhnologii, menyayushchie mir = World-changing technologies: primeneniye i effekty v mire i na Vostoke: [kollektivnaya monografiya] / A.V. Akimov i dr.; red. kol.: A.V. Akimov, S.A. Panarin, N.N. Tsvetkova. SPb: Nestor-Istoriya, 2021. 451 s.*
  5. Malchenova F.G. Etiko-psikhologicheskie aspekty komunikatsii cheloveka i robota // *Gorizonty gumanit. znaniya. 2018. No 5. S. 21–28.*
  6. Tulchinskii G.L. Pragmasemantika tsifrovikh kommunikatsii: smislovie kartini mira, tsennostno-regulyativnye sistemi i otvetstvennost // *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede. Vip. 6 (Trudi XXV Mezhdunarodnoi obedineno nauchnoi konferentsii "Internet i sovremennoe obshchestvo"). SPb, 23-24 iyunya 2022 g.: Sb. nauchnikh statei. SPb.: Universitet ITMO, 2022. S. 9–23.*
  7. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya. M.: Gnozis, 2007. 407 s.
  8. Krauch K. Postdemokratiya / per. S angl. N.V. Edelmana; Natsionalnii issledovatel'skii universitet "Visshaya shkola ekonomiki": 2-e izd. M.: VSE, 2023. 192 s.
  9. Nikiforov A.L. Kakoe budushchee gotovit chelovechestvu nauchno-tekhnicheskii progress // *Kommunikativnye osnovaniya nauchnoi ratsionalnosti: monografiya / pod red. A.A. Argamakovo, P.S. Kusliya. M.; SPb: Tsentr gumanit. initsiativ, 2023. 270 s. S. 164–181.*
  10. Garkusha V.N. Tsifrovaya tsivilizatsiya, tsifrovoe mishlenie i tsifrovaya kultura // *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo (IKO-2023): Trudi XX Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, SPb, 2-3 fevralya 2023 g. SPb: SPBGETU, 2023. S. 55–59.*
  11. Ivashkovskaya T.V., Pavlov V.A. "Tsifrovoy suverenitet" kak informatsionnaya strategiya rossiiskogo gosudarstva // *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo (IKO-2023): Trudi XX Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, SPb, 2-3 fevralya 2023 g. SPbGETU, 2023. S. 116–120.*
  12. Shnurenko I. Chelovek vzlomannii. M.: Nashe zavtra, 2021. 456 s.
  13. Frolova M.I. Problemi etiki tekhnologii v trudakh E. Agatstsi // *Chelovek. 2016. No 5. S. 55–68.*
  14. Monahov V.N. Pravo na svobodu slova? ot oflajna k onlajn // *Prava cheloveka v epohu interneta: pub-*

REFERENCES

- lichno-pravovoj aspekt / otv. red. E.V. Talapina. M.: Prospekt, 2023. S. 17–50.
15. Yediniy portal elektronnikh uslug. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://nces.by/o-nas/news/epeu/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
  16. Programmii kompleks "Oдно okno". [Elektronnyj dokument]. — URL: https://nces.by/service/services_oais/oo/ (data obrashcheniya: 16.04.2024).
  17. Doklad o chelovecheskom razvitii 2023–2024 gg. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
  18. Departament po ekonomicheskim i sotsialnim voprosam. Issledovanie OON: Elektronnoe pravitelstvo 2022. Organizatsiya Obedinennikh Natsii, Nyu-ork, 2022. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://publicadministration.un.org/en/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
  19. Voluntary National Review 2022. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://hlpf.un.org/countries/belarus/voluntary-national-review-2022> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
  20. O Vsebelorusskom narodnom sobranii. [Elektronnyj dokument]: Zakon Resp. Belarus, 7 fevr. 2023 g., No 248-Z. Prinyat Palatoi predstavitelei 25 yanv. 2023 g., odobren Sovetom Respubliki 30 yanv. 2023 g. Natsionalnii pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus, 09.02.2023, 2/2968.
  21. Borisov I.B. Konets tsifrovoi epokhi politicheskikh protsessov // Grazhdanin. Vibori. Vlast. 2021. No 1 (19). S. 124–139.
  22. Kudryavtsev M.A. Svoboda informatsii i problemi obespecheniya informatsionnikh prav lichnosti // Dinamika institutov informatsionnoi bezopasnosti. Pravovie problemi: sb. nauch. tr. / otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. M.: IGP RAN; Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2018. S. 146–170.
  23. Kaspirovich-Shumak A.A. Gosudarstvennye informatsionno-pravovye resursy kak ob"ekt informatsionnykh pravootnoshenij: teoreticheskij aspekt // Vecnik Belorusskogo gosudarstvennogo. 2023. No 2 (157). S. 87–93.
  24. Shakhrai I.S. Gosudarstvenno-chastnoe vzaimodeistvie v kontekste rasshireniya dispozitivnykh sposobov regulirovaniya otnoshenij prirodopolzovaniya // Problemi realizatsii obektivnogo prava prirodopolzovaniya. Minsk: BGU, 2022. 291 s. S. 138–151.
  25. O mestnom upravlenii i samoupravlenii v Respublike Belarus. [Elektronnyj dokument]: Zakon Resp. Belarus, 4 yanv., 2010 g., No 108-Z. Prinyat Palatoj predstavitelej 11 dek. 2009 g., odobren Sovetom Resp. 17 dek., 2009 g. // ETALON. Zakonodatelstvo Respubliki Belarus / Nacionalnyj centr pravovoj informatsii Respubliki Belarus. Minsk, 2024.
  26. Miloslavov A.S. "Tsifrovaya revolyutsiya" kak prostranstvo dlya istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya: problemi i perspektivi // Filosofskaya analitika tsifrovoi epokhi: sb. nauch. st. / otv. red. L.V. Shipovalova, S.I. Dudnik. SPb: Izd-vo SPb. un-ta, 2020. S. 139–153.
  27. Khunzhui Ch. Kiberprostranstvo i suverenitet. Vvedenie v zakonodatelstvo o kiberbezopasnosti: ucheb. Posobie / per. s kit. Van. Khunvei, Van Lichzhun, Van Yue. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 304 s.
  28. Viner N. Kibernetika i obshchestvo: [sbornik] / per. s angl. V. Zherninova. M.: AST, 2019. 288 s.
  29. Dzyaloshinskii I.M. Ot bozhestvennogo otkroveniia k kommunikatsionnomu universumu: poisk adekvatnoi modeli izucheniya teksta // Gumanit. vektor. 2020. No 1. T. 15. S. 163–175.
  30. Novik Yu.I. Psikhologicheskie problemi pravovogo regulirovaniya. Minsk: Universitetskoe, 1989. 135 s.
  31. Fedotov M.A. Konstitutsionnie otveti na vizovi kiberprostranstva // Lex Russica. 2016. No 3(112). S. 164–182.
  32. Cheremisinova M.E. Realizatsiya zakonnikh interesov v seti Internet // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. No 9. S. 120–130.
  33. Dzyaloshinskii I.M. O novom podkhode k problemam kommunikatsii // Media. Informatsiya. Kommunikatsiya. 2013. No 4. S. 1–22.
  34. Dovnar N.N. Pravovoe obespechenie informatsionnoi bezopasnosti SMI v usloviyakh transformatsii mediasistemi. Minsk: BGU, 2019, 236 s.
  35. Vaizer T. Drugoi Khabermas? // Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery i deliberativaya politika / Yu. Khabermas; per. s nem. T. Atnasheva. M.: Nov. lit. obozrenie, 2023. 104 s. S. 13–20.
  36. Baturin Yu.M. Metamorfozi informatsionnogo prava // Transformatsiya informatsionnogo prava: monografiya / otv. red. T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2023. 256 s.
  37. Tekhnika kommunikatsii i osnovi komandobrazovaniya: praktikum dlya uchashchikhsya vsekh spetsialnostei: v 2 ch. Ch. 1 / sost.: A.O. Grigoreva, L.E. Vedernikova. Minsk: Belorus. gos. akademiya svyazi, 2023. 112 s.